

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Е Ж Е Г О Д Н И К

ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

СУДЬБА
РОССИИ
2002

М О С К В А

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной номер ежегодника “Человек: образ и сущность” посвящается всегда волнующему вопросу о судьбе России. Речь в данном случае идет не столько о судьбе России в контексте современной мировой ситуации, ее роли на стыке Запада и Востока, сколько о *рефлексиях*, цивилизационных размышлениях на эту тему российских историков, философов, социальных теоретиков.

Оказывает ли *осмысление* судьбы страны и ее цивилизационной роли на ее реальную судьбу, на поведение народа? Или же развитие страны идет своим путем независимо от такого осмысления? Каждая страна проходит такие этапы развития, на которых осмысленное отношение интеллектуальной элиты к судьбе страны может играть ключевую историческую роль. Это, прежде всего, *переломные этапы*, когда традиционный ход событий обнаруживает свой тупиковый характер, когда в обществе созревает доминирующее стремление к переменам. Исторический выбор в таких случаях во многом зависит от интеллектуальных и политических элит, приходящих к власти, от того, как они понимают смысл истории.

Весьма показательным в этом отношении оказался для России XIX в., который интеллектуально подготовил основные позиции политических сил России в XX в., а вместе с тем и ее судьбу.

В XIX в. развернулись острые дебаты вокруг “русской идеи”, о которой заговорил великий писатель и мыслитель Ф.М.Достоевский. Основные предпосылки рождения русской идеи можно отнести к временам московских великих князей, которые хотели видеть в себе исторических наследников Византийской империи и ее духа. Соответственно, православие трактовалось как выражение сущности и русского духа. И в этом была заложена возможность выхода русской идеи за узконациональные рамки.

В XIX в. расшифровку русской идеи стали связывать как с вечной идеей всемирной империи, продолжением идеи вечного города – Рима, так и с идеей всечеловеческого единства и, соответственно, объединением эмпирической форме? Можно ли ее отождествлять со Всемирной торговой организацией, НАТО или с “семеркой”? Вряд ли такое отождествление будет теоретически и политически корректным.

Заметим, что и первый и второй варианты русской идеи как бы противостоят ей самой и считают себя *не-русскими* в строгом смысле этого слова. Однако очевидно, что своими корнями они уходят в концепцию всечеловечности, которая порождена диалектикой русского духа, выражающего специфику географического, геополитического, этнического и культурного положения России как евразийского государства и взошедшего на дрожжах последовательного христианства.

Дискуссия вокруг русской идеи обрела в современной ситуации определенную остроту.

С одной стороны, утверждают, что русская идея основана на мифе, что миф есть стержень духовности, которая не что иное как проявление ненаучного, иррационального мышления. Рациональность теперь отождествляется с понятием частным интересом, стремлением к обогащению и современными формами экономического и административного управления. Рациональность в таком ее понимании оказывает воздействие на характер социального поведения людей и их взаимные отношения. Духовность в традиционном ее понимании теперь замещается новым пониманием правильных ориентаций жизни: это компьютер и доллар. Следствием экспансии псевдодуховности становится нравственная катастрофа, нарастание отчуждения, нравственного цинизма и криминализации общества.

Соответственно возникает обратная реакция – стремление реанимировать русскую идею как предпосылку духовной консолидации и нравственного возрождения общества.

Колебания российского самосознания из одной крайности в другую – явление не новое. Оно становится следствием терпимости российской интеллектуальной элиты к фанатикам и демагогам, заимствующим различные идеи, усваивающим азы истины, но не обладающим ни философской мудростью, ни профессионализмом. Они становятся водителями народа – демагогами, в силу своей бесшабашной наглости и способности говорить без остановки, поливать словесными помоями своих оппонентов. В этом, например, источник успеха известного всей стране лидера правых сил Валерии Новодворской.

Демагоги проникают всюду, в том числе и в область теории, они раскалываются на группы, воюют друг с другом и в этой войне доказывают свою “нужность” обществу. Однако целью этой войны является *не истина*, а “победа”, которая нередко с точки зрения настоящего научного знания равносильна поражению.

Характерны в этом отношении сражения, развернувшиеся вокруг концепций российского евразийства. Евразийская сущность России – это объективный географический и исторический факт, о котором, однако, в пылу полемики совершенно забывают. При этом для того чтобы “срезать” своих оппонентов, приводят такую аргументацию, которая чем-то напоминает самобичевание известной унтер-офицерской вдовы. Характерны в этом отношении ссылки Валерия Островского на авторитет лидера кадетской партии П.Н.Милюкова. “Можно, – пишет он, – задним числом критиковать более чем многочисленные политические и идейные ошибки Милюкова, но признаем, что он был прав в своей скептической оценке антизападнической стороны евразийства, сказав: “Тот, кто ищет в России Евразию, может попасть в Азиопу”. Как ни печально для родоначальников евразийства, их оппонент оказался прав”¹.

Можно, конечно, гадать, повторил ли бы эти слова П.Н.Милюков в 2001 г. после десятилетия реализации в России всех западнических концепций и следования указаниям американских советников, призванных российскими политиками-западниками в различные государственные структуры. Азиопа по своему определению – это извращение принципа Запада как принципа правления демократии, основанного на *законе*, и принципа Востока как принципа единоличного правления, основанного на *традиции*. В условиях Азиопы свобода превращается в *вольницу*, попирающую все правовые нормы и нравственные принципы, а единоличное правление – в произвол вожака, который наказывает и милует по правилам, действующим в криминальных структурах. Но разве не к такой системе двигалась Россия в 90-е годы? Получается, что тот, кто ищет в России Запад, как раз и попадает прямым путем в Азиопу.

Демагогически можно разгромить любую позицию, найти для этого достаточные основания. Но лучше от этого не будет.

Чтобы двигаться вперед, нужна не демагогия, а настоящая теория, в том числе и теория духовности как социального явления. В понимании

¹ Островский В. Назад к Европе??? Посев. – М., 2001. – № 7(1486). – С.24.

русской духовности лежит путь к разгадке той загадки, которую сформулировал Н.Бердяев: почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?

Как нам представляется, публикуемые в ежегоднике материалы подводят к пониманию духовности как совокупности осознанных и рефлекторных интенций народа, общества, определяющих упорядоченность, идентичную направленность его цивилизационного поведения. Духовность — это нематериальный перводвигатель народа.

В разрушении этого перводвигателя может заключаться исток системного кризиса общества. Но и культивирование иллюзорной духовности может порождать неадекватное отношение к реалиям современной международной жизни.

Как показывает история, именно в адекватной духовности народ России осознавал себя как целое, находил ту точку опоры, которая подобно рычагу Архимеда, позволяла ему “перевернуть” ситуацию, преодолеть кризис, возродиться к новой жизни.

Л.В.Скворцов